

DOI 10.18522/2415-8852-2020-4-62-68

УДК 821.111

«АМЕРИКАНСКИЕ ГОРКИ» РОРИ ГЛИСОНА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Бататумэр Шагдыров

независимый исследователь (Улан-Удэ, Россия)

e-mail: purpleauroch@mail.ru

Аннотация. В предлагаемом материале представлен перевод рассказа “Space Mountain” («Американские горки») современного ирландского автора Рори Глисона. Произведения молодого писателя уже отмечены вниманием академической и театральной критики, вызывают интерес у широкого читателя в Великобритании, но пока не переводились на русский язык. Перевод рассказа выполнен победителем международного конкурса “Art & Craft of Translation”, который состоялся в 2020 г. Текст сопровождается пояснительным комментарием.

Ключевые слова: Рори Глисон, «Американские горки», конкурс перевода “Art & Craft of Translation”, рассказ.

От редакции

14 мая 2020 г. состоялось торжественное подведение итогов третьего конкурса художественного перевода “Art & Craft of Translation”, в котором приняли участие выпускники, магистранты, аспиранты и преподаватели СПбГУ, РГПУ, НГУ, Тверского ГУ, Адыгейского ГУ, Бурятской ГСА, Горловского института иностранных языков, нескольких институтов и факультетов ЮФУ, ДГТУ и РГЭУ.

В обсуждении итогов конкурса принял участие современный ирландский писатель Рори Глисон, чей рассказ “Space Mountain” впервые переводился на русский язык. Q&A-сессия с писателем, а также подробный разбор переводческих решений членами жюри – преподавателями ЮФУ Натальей Елисейевой, Ануш Акопян, Розой Асланян – позволили обратить внимание на проблемы перевода современного разговорного языка, значение локальных (дублинских) реалий,

нюансов профессиональной и национальной идентичности героев рассказа. Особое внимание переводчики, комментирующие работы конкурсантов, обратили на ценную практику воображаемой реконструкции всего художественного пространства. Так, кроме всего прочего, стремление переводчика представить саму «сцену события» становится условием точного перевода. На необходимость выявления смысловых «лакун» как важнейших маркеров психологического подтекста указали литературоведы и переводчики. О своем решении назвать три лучших перевода объявили сопредседатели жюри – Дмитрий Симановский (Москва), известный своими переводами Джулиана Барнса, Ирвина Уэлша, Филипа Дика, и Марина Рагачевская (Минск), профессор кафедры зарубежной литературы Минского государственного лингвистического университета, доктор филологических наук, переводчик-синхронист.

«Американские горки»

Мосс Крехан смотрит на меня, рядом с ним прислонен дробовик, а мой мальчик в полной отключке уткнулся лицом в старый деревянный стол. На его щеке засохли слезы.

Мы с Моссом пьем растворимый кофе, я смотрю на сына: он безмятежно дрыхнет, от него воняет алкоголем, на лбу и вокруг ушей

корка крови. Мосс помалкивает и смотрит в кружку, которую держит в руке.

- И что мне с ним делать, Мосс?
- Сам решай.
- Можно отвезти его домой.
- Можно.
- А можно арестовать.

Новость застала меня во время патрулирования. Бренда из участка сначала позвонила мне на мобильный. «Киаран, это Шейми, он разбился рядом с перекрестком». Потом она вызвала меня по рации, и мне пришлось делать вид, что я впервые об этом слышу. Я развернулся и поехал к месту аварии.

Я говорил ему не садиться за руль, после сиделок в баре – ни в коем случае, но достучаться до него у меня не получилось. Он был в заведении Кэссиди, глушил пиво пинтами, потом сказал, что пойдет отлить, вышел на улицу, сел в машину и умчался. Не проехав и полумили от паба, он столкнул в кювет другую машину. В ней были два молодых парня, которым едва стукнуло восемнадцать. Пролетев буквально в паре метров от стены, машина оказалась в поле и перевернулась набок. Парни не пострадали, отделались царапинами и синяками.

Машина Шейми обнаружилась чуть дальше, на поле с другой стороны дороги. В изгороди, сквозь которую она промчалась, зияла дыра. Дверь со стороны водителя открыта, фары горят, но самого Шейми нет. Подойдя поближе, я заметил кровавый след на руле и еще несколько капель на сиденье. Приехала Бренда, чтобы позаботиться о других пострадавших, и я смог отправиться на поиски сына.

Я собирался посмотреть у озера, но тут позвонил Мосс и сказал, что Шейми вломился в дом Хэнлонов. Они уехали в отпуск,

поэтому старина Мосс, заметив зажегшийся свет, взял ружье и пошел посмотреть, что к чему. Шейми был в столовой, сидел за столом с бутылкой виски, которую позаимствовал из бара, и на лице его была кровь. Мосс отконвоировал его в ванную, запер, а потом позвонил мне.

Последовав за Моссом, я обнаружил сына спящим в ванне. Он расплакался, когда я попытался смыть кровь с его лица, а потом снова заснул у стола, когда мы спустились на первый этаж. Пусть поспит – протрезвеет перед поездкой в участок.

Я не хотел, чтобы он рос плаксой. Плакать не запрещал, но и на нытье не поддавался. Был как-то один случай. Шейми вернулся домой убитый горем из-за девушки. «Мы с Сашей расстались», – сказал он мне на кухне, упорно отводя взгляд, потом отвернулся и сделал вид, что рассматривает фотографию на холодильнике. Там были мы троим: он, я и его мать на американских горках. Мне показалось, что Шейми смотрит на то фото, думая о вещах вроде любви или семьи, но потом я заметил, что голова его опущена, а плечи дрожат. Раздался короткий всхлип. Ну что тут можно поделать – только обнять и утешить, мол, все наладится. Такое ему переживать довелось впервые. Я обнял его за трясущиеся плечи, а он начал извиняться. Я повторял, что все нормально, но он снова попросил прощения. Не сказал, а словно проскулил, словно звук вырывался не изо

рта, а из глубины груди. Очень тихо, очень отчаянно. Потом стряхнул мою руку с плеч и вышел, даже не обернувшись.

Я не стал его останавливать. Не было повода стыдиться и прятать слезы, но я понимал, каково ему. Когда не стало его матери, я тоже плакал. Не у могилы, не на людях – там нужно было держать лицо. Но потом, в нашей спальне, я почувствовал запах Кейт, который исходил от ее вещей, и разрыдался. В тот же день я избавился от ее одежды. Отдал в Оксфам все ее расшитые блестками вещицы и мешковатые шерстяные кофты – так сильно мне нужно было избавиться от этого запаха. Шейми не видел моих слез, но видел, как я выбрасываю одежду, и, конечно же, решил, что я ничего не чувствую и тороплюсь оставить прошлое позади. Но тогда ему было всего четырнадцать, в таком возрасте еще мало что понимаешь. В девятнадцать, когда ему дала отставку эта Саша, он уже начал кое в чем разбираться и наверняка думал, что я считаю его слезы проявлением слабости, хотя это было не так.

Сейчас он крепко спит в гостиной, положив голову на руки и слегка похрапывая, его плечи мерно поднимаются и опускаются. Мосс то и дело трогает стоящее рядом ружье. Вообще-то иметь оружие ему не полагается, но он старый и живет на этом холме совсем один. Чертовски трудно ему приходится. Сколько я его знаю, он всегда так жил.

– Ты так и не женился, Мосс.

– Нет.

Один на этом холме. Только он, да ферма, да бесконечные гектары замерзших полей. У Мосса есть он сам, дробовик, мобильный и горящий очаг. А больше ничего.

– Мосс, я не знаю, что с ним делать.

– Да уж.

Все, это предел. Нужно арестовать Шейми, хотя в прошлые разы все обходилось. Он вернулся из Дублина, чтобы жить со мной. Ему только двадцать два, а уже столько неприятностей: слишком много пьет, страдает из-за девчонок, не может удержаться ни на какой работе. Я принял его, думал, что наставлю на путь истинный. Помогу определиться, помогу обрести надежду. Но нет. Он просто бездельничал. За пару дней просадил все пособие, а потом сидел дома, питался чечевицей и выходил только на свидания. Не искал работу, не пытался чем-то заняться. Однажды, вернувшись домой, я обнаружил, что Шейми спит на моем диване, в стельку пьяный. Он протаранил машиной стену у калитки, передний бампер смялся, словно был сделан из бумаги.

Я легонько толкнул сына носком ботинка.

– Шейми.

– Привет, офицер.

Вот такое легкомыслие.

Я уложил его спать, а утром он поклялся, что подобное больше не повторится. Сказал, что справится со всем сам, что помощь

ему не нужна, а нужно только проявить силу воли и взять себя в руки. В первый раз я ему поверил – и даже во второй, когда он устроил потасовку в заведении Кэссиди и мне пришлось посадить его в вытрезвитель. Протокол тогда я заполнять не стал, просто отвел его в участок, чтобы хмель вылетел из головы. Потом снова были обещания, и, кажется, я ему верил.

И вот он храпит, положив голову на стол, опасный для себя и для других. Это мой сын, и он опасен. Те двое парней могли погибнуть. А ведь он рос таким славным мальчуганом, никогда не спорил, никого не обижал... Хотя теперь я в этом не уверен. Может быть, мы просто не замечали. Мать его обожала. Кейт, моя жена. Что бы она сказала? Что бы сказала, если бы могла меня видеть? «Я оставила его на тебя, и он стал пьяницей. Ты посадил его в тюрьму». В больничной палате я держал ее за руку и поцеловал в лоб, когда рука похолодела. Пообещал, что позабочусь о сыне.

Он мог кого-нибудь убить. Мог погибнуть сам, но вот он, дышит, навалившись на стол. Я смотрю на Мосса, тот смотрит на меня: грубое лицо, обвислые щеки, вечный запах табака.

– Надо его задержать.

Белесо-голубые глаза Мосса изучают меня.

– Ты уверен?

– Не знаю.

Мосс помогает мне поднять Шейми, я стаскиваю его со стула, от него воняет ви-

ски и блевотиной. Он прислоняется ко мне, я чувствую перегар в его горячем дыхании, и меня начинает тошнить. Мосс поддерживает его с другой стороны, мы отправляемся к моей машине. Шейми постепенно просыпается и начинает что-то бормотать.

– Не надо.

– Мне придется.

– Но я хочу остаться.

– Нельзя.

Из-за него у меня сердце разрывается. Мосс идет вперед, чтобы открыть входную дверь, а потом дверцу патрульной машины, так что я несу Шейми один. Я просунул плечо ему под мышку, обхватил рукой его широкую спину. Он всегда был таким сильным. Его голова склоняется вперед, мы идем медленно, крохотными шажками. Я вспоминаю, как учил его ходить. Как поднял маленькие ручки над головой, чтобы помочь удержать равновесие, и как он, спотыкаясь, шагнул вперед.

Шейми пошатывается; обхватив его руками, я чувствую, как бьется его сердце, как в судорожном вздохе движутся ребра. Он всхлипывает.

– Прости.

– Тс-с. Тише.

– Прости, пожалуйста.

– Все нормально.

– Прости меня.

Мы доползаем до машины, и я усаживаю его на заднее сиденье. Он заваливается на-

бок, подкладывает локоть под голову, другой рукой закрывает глаза.

Захлопнутая дверь автоматически запирается. Я благодарю Мосса, жму его руку, забираюсь на водительское сиденье. Во время поездки Шейми продолжает тихо плакать. Нет, дело не только в том, что мать его баловала: все уже шло наперекосяк, когда ей поставили диагноз. И ту девушку, Сашу, тоже не стоит винить – скорее всего, они расстались именно потому, что Шейми пил.

С заднего сиденья доносится тихий журчащий звук, и я понимаю, что он обмочился. Снова бормочет извинения, снова всхлипывает, а потом умолкает. Спит.

Я заезжаю домой, чтобы взять ему чистую одежду. Уже очень поздно. Беру какие-то вещи из сушилки и на пути к выходу прохожу через кухню. Здесь так пусто, так голо. Лучи лунного света падают на металлические столешницу, на холодную плитку пола.

Шейми ждет в машине снаружи. Тюрьма его не исправит, но что еще остается?

Что мне делать? Кейт знала бы ответ.

На холодильнике все еще висит та фотография, где мы втроем на американских горках. Шейми, двенадцатилетний пацан, и Кейт, просто лучится здоровьем. Наверно, болезнь уже угнездилась в ней, только об этом никто не знал. Мать и сын сидят рядом на переднем сиденье вагонетки, держатся за страховочную перекладину на уровне плеч, они в ужасе, они в восторге. Шейми кричит, широко распахнув рот. Каштановые волосы Кейт разлетаются, и она тоже кричит, но понарошку – в углах ее рта таится улыбка. Ей очень весело.

Я застыл на кухне, в руках у меня охапка одежды для Шейми, но я не могу отвести взгляд от фотографии. Я там тоже есть: сижу в следующем ряду позади Шейми и не могу открыть глаза. Слишком страшно.

RORY GLEESON'S "SPACE MOUNTAIN" IN RUSSIAN

Batatumer Shagdyrov, independent researcher (Ulan-Ude, Russia); e-mail: purpleauroch@mail.ru.

Abstract. The proposed material presents a translation of the short story "Space Mountain" by the contemporary Irish author Rory Gleeson. The works of the young writer have already been noted by academics and theater critics, arouse interest among a wide readership in the UK, but have not yet been translated into Russian. The translation of the story was made by the winner of the international competition "Art & Craft of Translation", which was held in 2020. The text is accompanied by a short commentary.

Key words: Rory Gleeson, "Space Mountain", translation competition "Art & Craft of Translation", short story.

